

где этот дом

“не надо воевать с историей”

Елена Никулина — Газете

Фотограф: Максим Коняев / Газета

Знаменитый дом в Кривоарбатском переулке, построенный великим архитектором Константином Мельниковым, согласно завещанию сына архитектора, Виктора Мельникова, должен быть передан государству. Вместе с «домом-цилиндром» государственной собственностью становится обширнейший архив. Сложную правовую ситуацию, связанную с шедевром российской архитектуры 1920-х годов, корреспонденту Газеты Татьяна Невской разъяснила Елена Никулина, член президиума ЭКОСа (Экспертно-консультационного общественного совета).

Проблема сохранения дома Мельникова, который находится сейчас в аварийном состоянии, активно обсуждается и в прессе, и в профессиональных кругах многие годы...

Ситуация эта во многом касается вообще застройки памятников и объектов 1920-х — начала 1930-х. Здания эти, к сожалению, находятся сейчас в очень тяжелом состоянии, они достаточно уязвимы, потому что сделаны из плохих материалов, с применением конструкций и инженерных решений, которые в той или иной степени устарели. Кроме того, архитектура той эпохи не вписывается в понимание русской истории и культуры, которое сейчас возобладало в умах общественности и многих профессионалов. Дом Мельникова — уникальный памятник, находящийся к тому же в частной собственности. Это случай довольно редкий. Ситуация осложняется чередой внутрисемейных конфликтов...

Со стороны председателя ЭКОСа Александра Петровича Кудрявцева было множество попыток решить эту проблему с привлечением всех заинтересованных сторон и инстанций. Я не очень понимаю, насколько передача этого дома в федеральную собственность поможет дому Мельникова, потому что главное в этой ситуации — финансирование и создание концепции музея. Вариант, что дом Мельникова станет филиалом Музея архитектуры, проговаривался, но пока это не вылилось в целостную программу. Важно решить вопрос экспозиции и посещения дома Мельникова, поскольку здание к этому не приспособлено. Оно строилось для одной семьи, и конструкции дома могут не выдержать наплыва посетителей. Я понимаю семью Мельниковых, которая пытается сохранить уникальное наследие для Рос-

сии и для Москвы и в то же время воплотить свое понимание того, как это наследие должно финансироваться. К сожалению, сегодня целостного видения не существует ни среди профессиональной общественности, ни среди потомков великого архитектора. Константин Мельников для времени авангарда — фигура знаковая. Сейчас термин «конструктивизм» распространяется на всю архитектуру 1920-х. На самом деле это время было периодом исканий и расширенных творческих дискуссий. Мельников интересен тем, что всегда держался особняком, был ярким лидером и человеком художнического мироощущения, что затрудняло его примыкание к группе конструктивистов. Мельников всегда декларировал, что каждое его произведение индивидуально и следует внутреннему художническому видению и переживанию, а не некой теории и концепции. Не случайно знаковыми фигурами для западных историков являются Леонидов и Мельников, которые остались героями-одиночками в архитектуре XX века. Судьбы их можно назвать трагичными, одинаково ценны как их постройки, так и неосуществленные проекты. Сегодня в массовом сознании рядовая постройка конца XIX — начала XX века, выполненная в формах эклектики или в приемах кирпичного стиля, воспринимается как ценная, а здание 1920-х, которое лишено декора, часто воспринимаемого как синоним красоты, считается рядовым. Сейчас, и это видно всем на улицах Москвы, тема деталей и насыщенности считается признаком богатства. Не случайно даже в профессиональных кругах бытует мнение, что архитектура 1920-х годов — это архитектура нищеты: дескать, не было средств, поэтому так и строили. Почему-то нам пытаются

внушить, что архитектура 1920-х годов — это архитектура тоталитаризма. Хотя, по моему убеждению, настоящей архитектурой тоталитаризма является архитектура даже не конца 1930-х, а архитектура послевоенная. Здесь имперский дух и понимание такого пустого торжества очень ярко выражены.

Известно, что у Леонидова был только один осуществленный проект, в то время как Мельникову очень повезло с постройками. Какова их судьба сегодня?

У Мельникова действительно была счастливая судьба после парижского павильона (Мельников был автором советского павильона на выставке декоративно-прикладного искусства в Париже в 1925-м. — Газета) и постройки Бахметьевского гаража. Это достаточно интересная история: гараж первоначально был построен на Ордынке, но оказался крайне неудобным для размещения крупных автобусов. Мельников решил эту проблему и создал гениальное произведение с точки зрения единства формы и функции. Из существующих построек Мельникова Бахметьевский гараж, при всем драматизме его судьбы (была опасность утраты памятника), находится в целом в благополучном состоянии. Стоит напомнить, что фермы к Бахметьевскому гаражу проектировал Шухов. Рядом с Бахметьевским гаражом находится еще одна мельниковская постройка — гараж «Интуриста».

Он перестроен, но фрагменты фасада сохранились. С виду неплохо сохранился и гараж на Новорязанской улице. Всем известны клубы, сконструированные Мельниковым. Драматичная история разворачивается с клубом Русакова, он должен быть приспособлен под театральное помещение. Грустная история с клубом «Буревестник», где не получилось полноценной реставрации, поскольку она была сделана с применением дешевых материалов, что привело к серьезной утрате внешнего облика. Сейчас ведутся работы над проектом реставрации клуба «Каучук». Выполняется реставрация клуба фабрики «Свобода» на Вятской улице. Надо сказать, что клуб был перестроен еще в советское время. В современном проекте предусмотрены дополнительные постройки. Таким образом, инвестору компенсируют его вложения в реставрацию. Есть еще клуб Дорхимзавода, он расположен в районе Бережковской набережной. Там был пожар. Что сейчас с этим памятником — не знаю.

Здания, построенные в 1920-е годы, еле дышат — в связи с попыткой их сохранить возникает проблема нововдела...

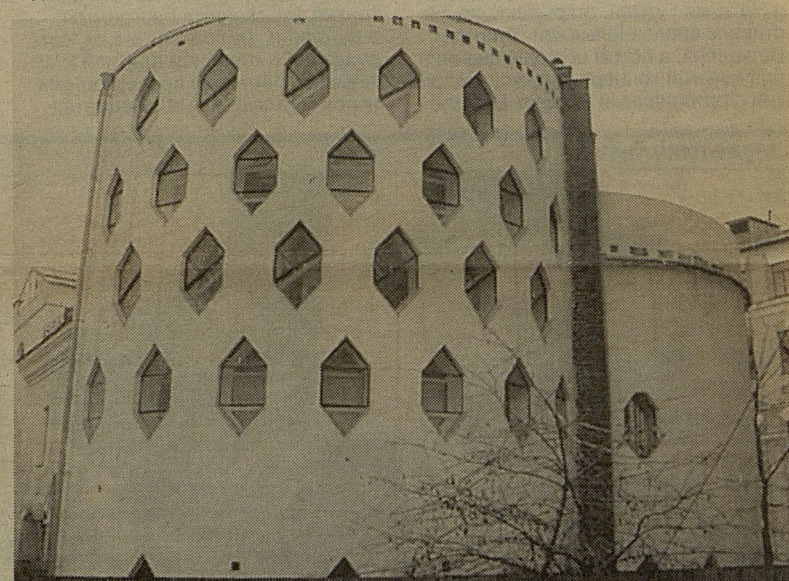
Если здание построено до 1917 года, в России известна практика: снесем и построим еще лучше. Что касается зданий 1920-х, есть иллюзия, что снести и вновь построить — еще проще. Тогда не было современных качественных материалов, конструкций, на которые рассчитана форма, поэтому давайте заново построим это здание, рассуждают сторонники нововделов. Но ведь важна не только

форма, но и время, которое «несет» это здание. Это, к сожалению, уходит из сознания общества. Поскольку постройки 1920-х, включая проекты Мельникова, находятся в очень плохом состоянии, возникает вопрос, как долго просуществуют здания-подлинники. Очень трудно найти инвестора, который бы вкладывал деньги только в реставрацию здания, не требуя при этом реконструкции, пристройки для быстрого возвращения вложенных денег. Если правильно раскручивать формулу «время — имя — имидж», проекты такого рода будут вполне рентабельными. Пока мы не научились делать коммерческой составляющей продажной стоимости подлинность зданий. Когда мы занимаемся историческими исследованиями или уговариваем заказчика сохранить подлинный облик здания, мы пытаемся объяснить, что это как если бы он купил драгоценную антикварную вещь. Но, к сожалению, при повсеместном общем падении культуры подлинность не критерий цены.

Не надо воевать с историей. От прошлого должны оставаться здания, которые символизируют ушедшие эпохи. Мы до сих пор не осознали того, что с нами произошло в XX веке. Это касается и архитектуры. Нам нужна подлинная история, чтобы знать, что происходило. Лучше видеть подлинники, чем черпать сведения о них из порой недобросовестных книг. Касаясь проблемы архитектуры и времени, стоит напомнить

о зодчестве 1960—1970-х годов. Я не уверена, что разрушение отеля «Интурист» — правильная градостроительная акция.

Это здание из времени, которое нельзя покрасить одной краской. Тогда каждые пять лет происходили важные изменения. То, что мы называли оттепелью, было эпохой, когда при всей разрухе жило ощущение, что много кислорода. А мы уничтожаем свидетельства того времени — уходят Черемушки, я оплакиваю здание Дома художника на Кузнецком Мосту, которое превратилось в нечто псевдоисторическое... Мы рукоплещем сносу гостиницы «Россия». Большой вопрос — что мы получим на этом месте? С моей точки зрения, безумная ситуация с гостиницей «Москва»: ее недопустимо было сносить, потому что она была символом советской истории во всем ее клубке противоречий и многообразии человеческих судеб. Переделка конструктивистского здания в нечто, украшенное деталями, и в то же время — много ремесленных подлинных вещей в интерьерах. Но с архитектурной точки зрения здание было достаточно слабым. Воссоздание этих форм — чудовищная историческая коллизия. Если мы утратили этот дом, нужно строить новый, современного стиля, который бы отражал время, в котором мы живем. Архитектура — социальное искусство, и сохранение подлинных фрагментов архитектуры прошлого — гарантия попытки хоть что-то про себя понять.

Дом Мельникова в Кривоарбатском переулке Фотограф: Александр Усольцев

газета

буревестник свободы

Мировую известность архитектору Константину Степановичу Мельникову (1890—1974) принес Советский павильон на Международной выставке декоративного искусства в Париже в 1925 году. Самые известные из осуществленных проектов — построенный в Москве Бахметьевский гараж, клубы «Буревестник», «Свобода», им. Русакова. Собственный дом, построенный в Кривоарбатском переулке в 1927—1929 годах, стал последним осуществленным проектом Мельникова. Новаторские, в большинстве оставшиеся на бумаге проекты создали Константину Мельникову славу одного из лидеров архитектуры XX века.

Бахметьевский гараж

газета

хранительница среды

Елена Никулина — архитектор, руководитель специализированной двадцатой мастерской «Моспроекта-2», работает в архитектуре 20 лет. Член президиума и ученый секретарь Экспертно-консультационного общественного совета по сохранению архитектурной среды при главном архитекторе города Москвы. В круг интересов Елены Никулиной входят, в частности, проблемы охраны исторического наследия Москвы.